

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЛАГОЛА ГОВОРИТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ВЕРТИКАЛЬНОЕ ПОЛЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА

Светлана АНТОНОВА (Гродно, Беларусь)

В статье представляются результаты когнитивного исследования глагола говорить на материале его функционирования в литературном языке и говорах Среднего Приобья как маркера и категоризатора в исследовании семантического пространства речевого действия в русской языковой картине мира и осмыслении языка как Дома бытия Духа.

The paper presents the results of cognitive research of a verb to speak on a material of its functioning in the literary language and dialects of the Middle Ob River basin as a marker and categorizer in research of semantic space of speech action in the Russian language mapping of the world and language conceptualization as Temple of Spirit Existence.

Семантика языка как отдельного модуля когнитивной системы сама имеет модульную структуру: репрезентация значения, связанного с информацией об определённой ситуации и о мире, приводит к интерпретации смысла высказывания. Главным же предметом семантики является установление принципов, правил и репрезентаций, регулирующих взаимодействие языковой системы с концептуальной системой.

М. Бирвиш. [1:122-124]

Язык, который (единственный, по Ю.В.Рожественскому) не лжёт и не лжесвидетельствует, в своей русской картине мира представляет – концептуализирует и категоризирует – речевое действие как многогранную риторическую компетенцию языковой личности. Причём запечатлевает это язык всей совокупностью номинативных своих ресурсов, в числе которых глаголы говорения лишь часть, хотя и существенная и объёмная: только глаголов, именующих устную речь, в русском литературном языке более 1500 лекс. Но самая главная роль маркера, концептуализатора и категоризатора речемыслительной деятельности человека говорящего несомненно принадлежит ядерному глаголу говорения *говорить*, выступающему по отношению ко всем иным номинациям в качестве идентификатора, семантического множителя, категоризирующей лексики и гиперонима одновременно, – глаголу, который маркером речевого действия всеми гранями своего системного и текстового бытия. Поэтому концептуально – образовательно ли, риторически ли – пользоваться речью значит то же, что определено (концептуализировано) и поименовано (категоризовано) доминантным категоризатором речевого действия: *произносить* – владеть техникой речи; *рассказывать* – владеть информационными жанрами речи; *разговаривать* – уметь общаться; *называть* – владеть дискретными единицами языка и мысли; уметь именовать, владеть семиотикой; *обозначать* – идентифицировать и интерпретировать дискретные и континуальные единицы языка и мысли; *выражать* – освоить и присвоить законы и правила инвенции и элокуции; *воздействовать* – владеть теорией и практикой аргументации и диалогизации; *читать* – владеть техникой рационального чтения; *писать* – создавать влиятельные тексты различной жанровой и стилистической принадлежности; *помнить* – быть интертекстуальным проводником языкового опыта, этики и эстетики речевой деятельности своего народа и на базе этой памяти творить свою мыслеречевую уникальность и неповторимость; *слушать и слышать* – владеть риторикой восприятия и психологией усвоения информации; эффективно моделировать свою и собеседника речемыслительную деятельность; *думать* – быть эффективным и адекватным в осознании явлений мира; *свидетельствовать* – быть знаком в коммуникативно значимой ситуации взаимодействия времён, культур, предметов и лиц; *молчать* – держать интеллектуальную и эмоциональную паузу, создавая гармонизирующее диалогическое взаимодействие с собеседником в пространстве положительной онтологичности, невозможно без подвижничества, смирения, скромности и участности в Другом [2].

Когнитивная интерпретация глаголов говорения как лексико-семантической группы (ЛСГ) в русском литературном языке и в диалекте, взятом в его системной и

функциональной реализации как русские старожильческие говоры Среднего Приобья, позволила увидеть и продемонстрировать на значительной выборке **динамический характер** этой моделируемой нашим сознанием **единицы системности** [3]. Проведённый нами анализ доказывает, что глаголы говорения и в литературном языке, и в диалекте образуют изоморфные по структуре и принципу организации лексико-семантические группы, в которых системообразующую роль играют доминантные глаголы *говорить* и *сказать*, наиболее полно представляющие своей семантической структурой и функциональными свойствами систему реалем речевого процесса, чем и детерминирован в целом характер системной организации обеих ЛСГ. При этом формируется обеими этими доминантами как многозначными словокомплексами **модели категоризации** и **концептуализации** действительности речевого действия и самой языковой картины мира, что позволяет интерпретировать их как **идеальные ЛСГ** и ономаты, выступающие в качестве **имён ментально-лингвальной деятельности человека – языка мысли**. И в этой когнитивной креативной и моделирующей своей роли они проявляют себя как сценаристы и режиссёры когнитивной деятельности языковой личности и «требуют» отношения к себе как фреймам, прототипам и идеальным сценариям в образовании человека говорящего. Причём реализуют себя во всех этих качествах всеми гранями своего системного статуса в диапазоне от собственно лексемного воплощения в границах слова и ЛСГ глаголов говорения в целом в до всей совокупности формируемого ими вертикального текста, представляющего человека говорящего.

Так, выступая в своей концептуализирующей и категоризирующей функции в составе ЛСГ глаголов говорения, глагол *говорить* в системе литературного языка своими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) отражает связи глаголов речи с ЛСГ глаголов сообщения, поведения, мимики и жестов, определяя (устанавливая пределы) семантического и ономазиологического колебания имени речевого действия. Все же его речевые ЛСВ, имея единственную или дополнительную связь с акустическим аспектом речевой деятельности, идентифицируются семьей ‘пользоваться устной речью’, превращая для носителя русского языка во всём хронотопе его бытия в идентификатор и маркер – категоризатор и концептуализатор – говорения во всей его многоаспектности. Все ЛСВ ядерного глагола говорения противопоставлены способностью именовать различные аспекты речевой деятельности, что выражается в их дифференцирующих семах; неречевые ЛСВ соотносятся с манифестационной и информационной сторонами речи. Формируемая таким образом **ономазиологическая универсальность** глагола *говорить* особенно ярко эксплицируется в диалекте, где он приспособлен для обозначения любой ситуации говорения. В силу этого именно он и избирается наиболее часто диалектоносителями для обозначения самых разных ситуаций говорения в диалектной речи, как и в разговорной вообще, входя в ту «ничтожно малую долю глаголов говорения», «общеупотребительных, типичных, исконных, стилистически нейтральных и семантически ёмких» [4: 9-10], которые постоянно находятся в активном употреблении.

Ономазиологическая ограниченность глагола *говорить* проявляется в ограниченной способности представлять общение и повествование как достижение своего внутреннего предела в силу своеобразия видовой и аспектуальной характеристик, а также деривационной недостаточности. Внутренней формой глагольной лексемы речевое действие – *говорение* – мотивировано как действие собеседования, общения, обязательно предполагающее определённую временную протяжённость и распределённость. Этому же способствует его видовая семантика*. При этом доминантная лексема говорения номинативно приспособлена для категоризации **процесса** общения, беседы, чему способствует семантика несовершенного вида. Она передаёт всю внеязыковую ситуацию говорения и элементы системы реалем речевого процесса и симметричность отношений между его участниками **эксплицитно**: словообразовательными средствами, специфическим наполнением приглагольных позиций, типом конституируемого глаголом предложения. По всем названным параметрам этот глагол

* Интерпретация семантики глагольного вида воспринята нами у Н.С.Авиловой [5:583].

противопоставлен глаголу *сказать*, который ономазиологически соотносится лишь с несимметричными отношениями участников говорения, а с коммуникативным аспектом речи лишь в той степени, в какой способен обозначать участие разных сторон речевого процесса в говорении – ‘пользоваться устной речью с целью задать собеседнику вопрос’ (*сказать*) и ‘с целью ответить на вопрос собеседника’ (*сказать*).

Диалектная система, как и система русского языка вообще, располагает такими глаголами, которые лексически категоризируют именно коммуникативный аспект, являясь синонимами и дериватами глагола *говорить* в соответствующих значениях. Это *разговаривать*, *толковать*, *обсуждать*, *балакать*, *договориться* и др. Ядерный глагол *говорить*, парный по виду глаголу *сказать*, не имея словообразовательных экспликаторов процесса собеседования, соотносится с этим процессом одним из своих ЛСВ, семантика которого актуализуется в трёхместной модели предложения $C_{II} + G + C_{CT} / C_{\text{между } T} + C_{оп} / C_{\text{проб}} (+ \text{Сирконстанты времени} + \text{Сирконстанты образа действия})$. И актуализуется это значение даже в условиях неполной реализации модели (без замещения позиции адресата-собеседника и объекта темы речи). При этом обычно возрастает диагностирующая роль формы множественного числа подлежащего (актуализация симметричности отношений между участниками речи) и обстоятельственных характеристик процесса (актуализация временной протяжённости действия, неторопливого его течения), что чаще всего обнаруживаем в контекстах языка художественной литературы. В среднеобских говорах нами зафиксировано только 5 случаев неполной реализации модели предложения, конституируемой глаголом *говорить* в значении ‘беседовать, разговаривать’, да и самих словоупотреблений этого ЛСВ только 14*. Это свидетельствует, с одной стороны, о высокой степени синсемантической этого ЛСВ и, с другой стороны, о том, что в диалектной системе есть другие, более приспособленные к обозначению коммуникативного аспекта, глаголы. Прежде всего на выражении длительно-дистрибутивного способа действия специализируется глагол *разговаривать*, при помощи префикса *раз-* и морфа *-ива-* эксплицирующий сему ‘неторопливо протекающее действие’ [5: 600], что отводит ему идентифицирующую роль доминанты при обозначении симметричных отношений субъект-субъектного речевого взаимодействия и ситуации общения в целом и в диалекте, и в литературном языке.

Функциональная гибкость ядерного глагола говорения обуславливается его ономазиологической приспособленностью обозначать все стороны речевой деятельности и выражается в **конструктивной универсальности**. Он способен выступать в качестве предиката во всех типах – одноместной, двухместной и трёхместной – моделей предложений, конституируемых в языке глаголами говорения, и синсемантической его значений. Все дифференцирующие семы лексико-семантических вариантов, именующих целенаправленные речевые процессы, эксплицируются в глагольной синтагматике и в типе конституируемого глаголом предложения.

Конструктивная универсальность глагола *говорить* увеличивает роль системного фактора в дифференциации его семантики:

- диффузность значений глагольных ЛСВ,
- высокую частотность, определяющую – детерминирующую и порождающую – конструктивную роль в образовании предложенческой категоризации и репрезентации феноменологии и предсистемы речевого события, а также текстового воплощения этих референтов,
- колоссальную функционально-коммуникативную роль при представлении модуса и диктума в высказывании,
- информационную значимость при отграничении семантики глаголов говорения от семантики смежных с ними лексико-семантических групп,

* Семантические структуры доминантных глаголов говорения во всей их системообразующей работе в составе ЛСГ глаголов говорения в литературном языке и в диалекте представлены в работах автора [2; 6; 7 и др.].

- малую інформативну значимість глаголів *говорить* і *сказать* як дискретних одиниць при втіленні, актуалізації і считуванні семантичних нюансів речевого дійства в межах системи реалем власне речевого події.

Таким чином домінуючий дієслово і в кодифікованій, і в діалектній системі здійснює свою функцію базового компонента системо- і текстотворення.

С опорою на цей сценарій-фрейм, формований домінуючим дієсловом мовлення, в функціонуючій системі працюють механізми інтеграції і ідентифікації всіх одиниць в межах ЛСГ і, в той же час, відбувається формування маркера – диференціюючого прототипа – функціонального поведіння дієслова, виділяючого з дійсності і пропонуючого для розпізнання реципієнту дискретний фрагмент передсистеми, співвідносимої з мовленням. Одночасно формується і сценарій-фрейм для діагностики і представлення дієслівної семантики мовлення на зовнішньому рівні, а стало бути, прецедент, прототип, модель-фрейм і модель-сценарій семантичного, селективного, конструктивного перетворення дієслів інших ЛСГ в одиниці даної, якщо не на системному, то хоча б на функціонально-комунікативному рівні. Ярчайших і основних проявів названих особливостей функціонування ядерних дієслів в діалекті три. Перше – використання дієслова *говорить* в якості слова-метки, слова-сигнала при передачі змісту прямої мови, маючої «бусове побудову» [4: 12], коли шматочки змістової частини прямої мови як би нанизуються на дієслово *говорить*. Наприклад: *Я управлялась да вышла за ворота. Ну, сказали, што, говорят, с Молчановой жених приехал. Говорят, хромой. Гыт, хромает, девчонки тама-ка, подружки говорили.* (Молчаново, Томська обл.). Тут до такого межі виявлена основна функція дієслова (служить вступом чужої мови), що дієслово опустошається семантично і категоріально, втрачаючи всі (крім суб'єктної) дієслівні валентності, застигаючи в формі 1 або 3 особи, причём часто в значимо зміненої: *гьрт, гыт, гр'т, гьр'т, гр'у*. Друге – діалектне, розмовне і художнє обогачення семантики домінуючого, приводящее к їх номінативно-функціональній універсальності при одночасному витісненні по різних причинах дієслів, які поступають їм тільки в універсальності, не поступаючи ні в смислової, ні в стилістичній, ні в номінативно-комунікативній своїй параметризації. Третє – виробка діагностуючої моделі функціонально-текстової і дискурсивної розвитку семантики будь-якого дієслова, співвідносимої з представленням речевого події.

Причём ця діагностуюча модель настільки деталізована, відточена, комунікативно і номінативно перевірена практикою дискретного і континуального представлення речевого події, що збою в ідентифікуючій і інтерпретуючій діяльності реципієнта не відбувається навіть тоді, коли використовується в якості імені діяння дієслівна ономаема

- звучання (*вижзать, вопить, ворчать, ворковать, гудеть, голосить, гнустить, горланить, греметь, журчать, жужжать, звенеть* *);
- поведіння (*баламутить, амуриться, беспокоиться, вздыхать, вздохнуть, вызываться, вступать, вступаться, вступиться, вывалить, выведывать, вскипеть, клясться, перебить, церемониться, возмутиться, возмущаться, воспитывать, вспыхнуть*);
- мислення (*судить, критиковать, заказать, заметить, замечать*);
- пам'яті (*вспомнить, напомнить*);
- руху (*воротиться, подойти с вопросом, отправиться с этим словом*);
- конструктивного або деструктивного фізичного діяння (*вставить, вынуть, выпалить, выложить, городить, перебить, остановить, прервать молчание, прервать с живостью, прерывать замечаниями, доводить до сведения, доложить*);
- мимики або жести (*улыбнуться, посмотреть, махнуть руками, кивнуть, высунуть свою седую бороду*);

* Представляя діапазон ідентифікації мовлення з допомогою дієслова *говорить* як маркера речевого діяння, ми в межах даної публікації обмежили себе тільки пушкінським словарем в тій його частині, до сих пор прецедентна для російського мовного свідомості, представленої нами в співвідношенні з вертикальним текстом мовлення і з шістьма аспектами мовлення [2: 482-517].

- положения в пространстве (*упасть с криком, окружить с приветствиями, остановить, описывать*);
- психо-эмоционального переживания (*восхищаться, злобствовать, молить пронзительным голосом, наводить тоску, горячиться, пристать, утешить*);
- морального воздействия (*грозить, грозиться, заругать, загрозить, запугивать*),
- передачи (*передать, разнести, уступить, перестать поддерживать разговор, выкладывать, выдавать, выдать*);
- взаимодействия (*пристать, кидаться с визгом на шею, делиться, перебить, грызться, перестать поддерживать разговор*).

Не происходит коммуникативного сбоя при восприятии действия как речевого события и в том случае, когда именем субъекта речевого действия избирается слово, лежащее за пределами идеосферы «человек» (*печух, ветер, страсть, звёзды, взгляд, карты*). Самими же такими именами речевого действия развивается вертикальный текст глаголов говорения и обогащается спектр концептуализирующих и категоризирующих возможностей доминантного глагола.

Такими дискурсивно-текстовыми экспликаторами надёжности выработанной доминантными глаголами модели-сценария для категоризации и концептуализации жизни глагола говорения в тексте и в системе языка и диалекта стали дискретно-континуальные эксперименты над сознанием реципиента и языковой системностью, произведённые «первопроходцами» в построении возможных миров – художниками слова. Такое экспериментаторство эстетически востребовано в авторской альтернативной картине и модели мира, значимой эстетически или идеологически. К примеру, оно реализовано Л.Н.Толстым в «Холстомере», А.П.Чеховым в «Каштанке», Михаилом Лоскутовым в «Говорящей собаке», Юрием Нагибиным в «Бунташном острове», Тэффи в «Когда рак свистнул», как всегда оно осуществлялось в поэтических, сказочной и сакральной картинах и моделях действительности.

Парадигматическим проявлением и следствием функциональной гибкости глагола *говорить* является его частое употребление вместо других, менее универсальных и более специализированных, глаголов говорения в значении последних: *просить; советовать, утверждать, приказывать, предупреждать, соглашаться, желать, звать, называть, отказывать, приветствовать, предсказывать, отвечать, спрашивать*, их видовых коррелятов и др. При этом ядерный глагол выступает как функциональный эквивалент неядерных глаголов говорения. «Проявителем» отношений функциональной эквивалентности оказывается глагольная дистрибуция (уровень взаимодействия семантических классов сочетающихся слов), в которой эксплицируются такие признаки глагольного действия, как дополнительные цели речевого действия, форма говорения.

Как многозначный, глагол *говорить* входит каждым из своих ЛСВ в разные синонимические ряды, все члены которых – общерусские и собственно диалектные – также являются глаголами говорения. Причём члены этих рядов имеют общность с ядерным глаголом и по идентифицирующей, и по дифференцирующей семе, образуя вместе с ЛСВ ядерных глаголов подсистемы в пределах системы глаголов говорения на базе дифференцирующих сем, каждая из которых в одной из подсистем становится идентифицирующей II порядка.

Глагол *говорить*, как глагол в основном целенаправленного речевого процесса, обладает ограниченными способностями характеризовать этот процесс (эту ограниченность он преодолевает через широчайшую парадигму обстоятельственной сочетаемости) и является для глаголов, качественно характеризующих речевой процесс, идентификатором в каждом из своих ЛСВ, то есть находится с ним в родовидовых отношениях. Например: *буробить* – ‘говорить бессодержательно, попусту’ = *говорить*⁷ (‘сообщать’) + ‘малоценная информация + вызывающая неодобрение участников речевого действия’.

За пределами ЛСГ говорения оказываются лишь полные антонимы глагол *говорить* – *молчать, смолчать, немтовать, заузунуть*. И в целом этой ЛСГ менее всего свойственны

отношения антонимии, так как практически все полные антонимы и других её единиц выходят за её границы, а в рамках ЛСГ глаголы связываются чаще всего лишь отношениями частичной антонимии, семантической противопоставленности: *шептать – говорить – кричать – базлать – вопить*.

Глагол *говорить* влияет на системную организацию и структуру ЛСГ глаголов говорения и своим деривационным потенциалом: во-первых, все производные от него глаголы (кроме возвратных, которые чаще всего утрачивают идентифицирующий семантический признак группы) не выходят за пределы семантического пространства ЛСГ говорения; во-вторых, своими деривационными возможностями он детерминирует круг деривационных возможностей всех остальных глаголов говорения, вследствие чего в составе ЛСГ могут быть выделены парадигматические ряды производных глаголов, например, с префиксом *про-*: *проговорить, промолвить, промяркать, прогуторить, промычать*. Причём выделенные таким образом ряды будут обладать общностью и семантической, и синтагматической, ибо внутренняя валентность глаголов говорения во многом обуславливает их внешнюю валентность.

Специфика диалектной ЛСГ глаголов говорения проявляется в том, что её ядерные (как и все остальные общерусские единицы ЛСГ) глаголы имеют и диалектные варианты: фонетические (*говореть*), словообразовательные (*сговорить, поговорить (что), сказовать – сказуют, скричать*), лексико-семантические, акцентологические (*говорить*). Как показал проведённый нами анализ, все эти варианты также входят в круг глаголов говорения, за исключением некоторых лексико-семантических вариантов, для которых ЛСГ говорения не является пределом варьирования, например: *беседовать* и *побеседовать* ‘посидеть в гостях’: *Беседуйте, девки, беседуйте! Чё стоите? (Молчаново, Томская обл.)*; *Ничё не говорили, только побеседовали (Кривошеино, Томская обл.)*. Все собственно диалектные глаголы говорения не вступают с общерусскими ядерными глаголами ни в какие принципиально иные отношения, кроме отношений родовидовых, синонимии, вариантности, словообразовательной производности. Что касается отношений дублетности, то полных эквивалентов ядерным общерусским глаголам нет: нет ни одного диалектного глагола говорения, который мог бы соперничать с ними по своей структурной роли в ЛСГ, или по семантической ёмкости, или по функциональной универсальности, или по частотности, или по ареалу своего распространения.

Все выявленные нами особенности положения глагола *говорить* в ЛСГ глаголов говорения в говорах Среднего Приобья позволяют представить семантическое пространство этой ЛСГ и понять характер системной организации глаголов говорения. ЛСГ глаголов говорения в русском литературном языке диалекте образуют глаголы, идентифицируемые семантическим признаком ‘(вос)пользоваться устной речью’ и противопоставленные между собой по цели или способу говорения. Ядром группы являются общерусские глаголы *говорить, сказать*, детерминирующие своей семантической структурой, функциональными возможностями, внутренней и внешней валентностью, парадигматической соотнесённостью глаголов ЛСГ говорения как систему и вертикальный текст речевого действия. Все единицы ЛСГ связаны с ядерными глаголами отношениями дублетности, вариантности, синонимии, гиперо-гипонимии или деривации. Благодаря этим связям организуется функционально-семантическое полевое пространство ЛСГ по линии центробежного развития доминанты поля – её семного состава, семантической структуры, валентных и деривационных свойств.

Глагол *говорить* соотносится со всеми гранями речевого поступка, представляя собою и именуя все континуальные проекции и роли участников речевого события (*речь, рассказ, повесть, сказ, предание, рассуждение, описание, повествование, слово, хвала, молитва, слава, гимн, приказ, утверждение, доклад, притча, поверье, басня, беседа, спор, слух, сплетня, хула, молва, поверье, вопрос, допрос, ответ, мнение, жест, чувство, поступок, поведение* etc.): дискретно (ономасиологически и семасиологически), системно (своими предсистемой, номемой, денотатом, сигнификатом, семантической структурой, парадигматической – внутренней микролексической системой и макролексически –

значимостью) и континуально (валентностью – в диапазоне от внутренней до внешней, лексической, семантической, морфологической и синтаксической валентности и сочетаемости, жанро-, тексто- и дискурсообразующего, жанро-, тексто- и дискурсоименующего потенциала, всей текстографией русского сознания – от паремий до полифонических романов-эпопей XIX-XX вв.). Эта многозначная единица системности языка является одновременно динамической моделью русской языковой картины мира вообще и речевой деятельности человека говорящего в частности.

Ведомые и влекомые интенциональными силами языковой модели человека говорящего и своей языковой личностью, дерзнём утверждать, что современной лингвистикой, как, собственно, и всем научным когнитивным фокусом видения мира, представляется и проецируется речевое событие (будь то речевой акт, речевая деятельность, речемыслительная и мыслеречевая деятельность) в качестве такого феномена, адекватной языковой моделью которого может и должна быть не научная или риторическая картина мира, а исключительно – и именно только она одна! – художественная модель мира. Основание номер один для такого утверждения – прецедентность и для современной наивной диалектной, общерусской языковой, концептуальной и художественной картин мира пушкинского вертикального текста речевого действия.

Таким образом, наука, которая сегодня устремилась вслед за языком – к познанию и исследованию бытия Духа, осознав последствия языкового строительства и осмыслив язык как Дом бытия Духа, имеет возможность интерпретации и категоризации когнитивного миропонимания, как имеет и самое истинное – **языковое** – измерение риторического идеала Слова-Мысли-Деяния. И являет их собою учёному, как и всякому русскому человеку говорящему ядерный глагол говорения *говорить*. Шесть аспектов говорения (звучание, именование, выражение, информирование, воздействие, взаимодействие), запечатлённые этой лексемой (главным когнитивным скриптором – сценаристом и режиссёром языка) и в формируемой ею языковой семиотике, задают собою не только параметры интерпретации любого речевого события, но и образовательную стратегию формирования языковой личности – человека говорящего. Впрочем, они же задают и параметры смещения или колебания образовательного фокуса, диагностировать и квалифицировать аномалии. Глагол *говорить* представляет все грани говорения, речевую деятельность и компетентность языковой личности на всех её уровнях как гармоническое шестиаспектное единство. В идеосфере и идеоречевом цикле, всегда определявших методику, технологию, этику речи и эстетику слова, ментальность и культурологию человека говорящего в Отечестве нашем, и в самой этологии человека разумного этот глагол маркирует ментально, образовательно и идеологически значимый вертикальный текст искомого языкового сознания креативного типа и репертуар его экспликаторов в языковой и концептуальной картинах мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bierwisch M. Formal and lexical semantics // Proc. of the XIII International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo, 1983.
2. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография. – Гродно, 2003.
3. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1975.
4. Кочеткова Т.В. Глаголы говорения в русской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1978.
5. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. I.
6. Антонова С.М. К вопросу о функционировании глагола *говорить* в литературной и диалектной речи. // Глагол в языке и речи (на материале языков разных систем). – Кемерово, 1986.
7. Антонова С.М. О функциональных проявлениях доминанты ЛСГ: глагол *сказать* в языке и диалекте. // Вопросы функциональной грамматики: Дополнительные материалы VI Карских чтений 25-26 января 1996 г. – Гродно, 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Антонова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Беларусь.

Научные интересы: когнитивная лингвистика, глагол, текст.